

В школе

Как полагалось, Бродский пошел в школу семи лет, в 1947 году, но бросил учение уже в 1955-м. Советская школа никогда не была нацелена на *образование* в точном смысле этого слова, а то был едва ли не худший период в ее истории. Обучение по унифицированной программе для всей огромной страны было основано на зазубривании; о том, чтобы вырабатывать в детях навыки самостоятельного аналитического и критического мышления, развивать эстетическое чувство, не было и помину. В лучшем случае школа учила чтению, письму, счету и давала запас элементарных сведений в области естествознания и точных наук. Преподавание истории и литературы было полностью подчинено задаче идеологической индоктринации будущих советских граждан. Учебники по истории, литературе и даже географии были написаны суконным языком и напицканы пропагандой. По программе полагалось изучение одного иностранного языка, но языки преподавали по скверным учебникам и методикам, в слишком больших классах, слишком мало часов в неделю, и практически никто не оканчивал среднюю школу с умением читать и хотя бы элементарно объясняться на иностранном языке⁵⁷. Большинство учителей были перегруженными работой, низкооплачиваемыми, нервными людьми. Чувство собственного достоинства в детях подавлялось. Было принято прилюдно стыдить, распекать, унижать ребенка за то, что он плохо понял урок, за шалость, или, в летнем лагере, за обмоченную простыню. К этому прибавлялись идеологическая обработка и то же прилюдное поношение за проступки в октябрятской и пионерской организациях (до комсомольского возраста Бродский в школе не удержался).

С 1944 до 1954 года обучение в средней школе, в больших городах, было отдельное. В мужских школах царил грубый нездоровый эротизм. «В пуританской атмосфере сталинской России можно было возбудиться от совершенно невинного соцреалистического полотна под названием „Прием в комсомол“, широко репродуцируемого и украшавшего чуть ли не каждую классную комнату. Среди персонажей на этой картине была молодая блондинка, которая сидела, закинув ногу на ногу так, что заголились пять-шесть сантиметров ляжки. И не столько сама эта ляжка, сколько контраст ее с темно-коричневым платьем сводил меня с ума и преследовал в сновиденьях»⁵⁸. Физически Иосиф развивался рано и быстро (так же, как катастрофически быстро он начал стареть после сорока). Судя по его воспоминаниям, к моменту ухода из школы относится и первый сексуальный опыт. Он вспоминал: «Заведенные в школе порядки вызывали у меня недоверие. Все во мне бунтовало против них. Я держался особняком, был скорее наблюдателем, чем участником»⁵⁹. Вероятно, одной из причин его преждевременного ухода из школы было и то, что в пятнадцать лет он чувствовал себя взрослее сверстников.

За восемь с четвертью школьных лет Бродский сменил пять школ. Первые три года он отучился по соседству с домом, на улице Салтыкова-Щедрина (Кирочной) в школе № 203. Школа занимала здание дореволюционной немецкой женской гимназии Анненшуле рядом с протестантской церковью (кирхой – отсюда название улицы) Святой Анны, где в советское время разместился кинотеатр «Спартак». С четвертого по шестой класс он учился в школе №

57 Исключения составляли специальные школы с преподаванием ряда предметов на иностранном языке, где преимущественно обучались дети номенклатурной элиты или людей со связями. Состоятельные родители могли платить за частные уроки языка или музыки.

58 СИБ-2. Т.V. С. 19.

59 *Интервью 2000*. С. 123.

196 на Моховой, а в седьмом – в школе № 181 в Соляном переулке. Нелады со школой начались довольно рано. В характеристике, выданной Иосифу при переводе в пятый класс, классный руководитель писал: «По своему характеру мальчик упрямый, настойчивый, ленивый. Домашнее задание выполняет письменно очень плохо, а то и совсем не выполняет, грубый, на уроках шалит, мешает проведению уроков. Тетради имеет неряшливые, грязные с надписями и рисунками. Способный, может быть отличником, но не старается». При переводе в шестой характеристика несколько более благожелательная: «Мальчик способный, развитой, много читает, вспыльчив. В течение года не работал систематически по английскому языку и арифметике, получил экзамены на осень. Пионер, общественную работу выполнял добросовестно, охотно». Еще лучше пошли дела в шестом классе: «Мальчик хорошо рисует, много читает, исполнительный, правдивый, развитой, но вспыльчив. По сравнению с прошлым годом изменился в лучшую сторону. Общественные поручения выполняет добросовестно и охотно. Принимал участие в оформлении отрядной стенгазеты. Пионер, дисциплина отличная». Это был последний момент в жизни Бродского, когда, как кажется, он мог уладить отношения со школой и той общественной системой, воспитательным орудием которой школа являлась. В седьмом классе он получил четыре двойки в годовой ведомости – три по точным предметам и четвертую по английскому языку – и был оставлен на второй год. Этот второй год в седьмом классе он отучился в школе № 286 на Обводном канале, а в восьмой класс пошел в школу № 289 на Нарвском проспекте⁶⁰.